

ПОШЛОСТЬ НА ЭСТРАДЕ

«Все жанры хороши, кроме скучного», — говорил еще Вольтер. Именно поэтому во всех жанрах искусства обязательны высокие требования художественной правды и человеческой простоты выражаемых чувств и мыслей, требования народности и мастерства.

Можно говорить о ярком различии и о границах жанров искусства, об особенностях и о своеобразии художественных средств, выразительности каждого из них. Но нет и не может быть в искусстве такого жанра, который допускал бы фальшь, пошлость, красивенькую ложь, хотя бы и прикрытую вуалью «общедоступности».

Все это — простые истины, не требующие доказательств. Однако их приходится повторять вновь и вновь, когда сталкиваешься с практикой наших концертно-эстрадных организаций, в которых ловкие дельцы и «маги-халтурщики» при молчаливом одобрении Комитета по делам искусств и Главреперткома воскрешают самые худшие традиции прошлого.

Речь идет о легком жанре, о прекрасном, широко распространенном и любимом жанре эстрадного искусства.

Нет слов, в эстрадных программах встречаются хорошие, талантливые образцы искусства легкого жанра с его искренним юмором, сердечной лирикой, изящной пластикой.

Но все же чаще, гораздо чаще талантливое, увлекательное слово эстрадного искусства теряется в изобилии тривиальной серятины, грубой пошлости.

Время от времени на советской эстраде появляются «любимцы публики», промышленно дешевым суррогатом легкого жанра.

Ныне роль такого «любимца» выполняет Вадим Козин. Его ретивые администраторы не поскупились на рекламу: Козин — в Москве, Козин — на периферии, Козин — на эстраде, Козин — на граммпластинке. Одним словом — Козин здесь, Козин там — сегодня и ежедневно!

Козин исполняет песенки, в которых густая пошлость слегка приукрашена ин-

тимной чувствительностью. У Козина нет голоса, но есть эстрадный опыт, который позволяет ему играть этой внешне наивной чувствительностью, — она выражена и в его «смирненной» позе и во всей его вкрадливой манере исполнения.

Музыка подавляющего большинства песенок из репертуара Козина состряпана самыми посредственными ремесленниками (в том числе и капельмейстерами так называемых «цыганских хоров»), старающимися потрафить непритязательным вкусам мещанина-обывателя.

Для приличия Козин обычно добавляет две-три вещи советских композиторов — и пожалуйста:

— Подано горячо, за качество не ручаюсь, но успех обеспечен!

В большинстве этих песенок неизменно фигурирует в качестве «героев» одна и та же парочка самодовольных мещан, изясняющихся на особом безграмотном и слащавом языке. Они охотно оповещают окружающих о том, что —

«Чудный запах роз в саду носится (!),
Мы сидим вдвоем, луна светит на нас
И в лазурной воде отражается...»

В вальсике «Милая» и в песенке «Дружба», получившей уже с легкой руки Козина широкое распространение во всех пивных, употребляются более «оригинальные образы»:

«Когда простым и теплым взором
Ласкаешь ты меня, мой друг,
Необычайным, цветным узором
Земля и небо вспыхивают вдруг!»

Можно приводить еще и еще подобные слова из песенок, рассылаемых Козиним и его многими подражателями. Содержание этих песенок — стоячая вода мелких чувствований, обывательски-слащавых и пошлых. Механика сюжетов весьма нехитрая: ее «приводной ремень» знает два оборота — либо «милая, я вас люблю», либо «милый покинул путь».

Тексты этих песенок, как правило, изложены безграмотными и безвкусными виршами. А ведь безвкусица и есть граница пошлости! Нужно сказать, что Козин

часто переступает и эту границу. Послушайте «рыдательную» ханжескую «мораль» его «Грез»:

«Подруга ль тебе изменила,
Не плачь, не рыдай, как дитя,
Поверь мне, она пошутила (!)
И снова вернется шутя»...

Еще встречаются дельцы эстрады, которые утверждают, что легкому жанру недоступны якобы значительность содержания, поэтичность выражения. Но это — глубоко ошибочная, вредная «теория». У легкого жанра есть, конечно, свои границы, но они очень далеки от предела пошлого.

Легкий жанр вовсе не значит — ничтожный жанр. Достаточно вспомнить подлинных мастеров, классиков легкого жанра — Ж. Оффенбаха, И. Штрауса и многих других, чтобы убедиться в этом. А роль легкого жанра в наши дни должна быть шире, значительней.

Встречаются и «защитники» Козина, которые стремятся обязательно выискать в нем хорошие и даже благородные черты. Но, как говорил Маяковский, «что выищешь в этих болончых лириках?»

Можно, пожалуй, согласиться с тем, что музыка кое-где ступенькает чудовищную пошлость текстов, особенно там, где Козин пользуется интонациями городского фольклора. Но, к сожалению, это бывает очень редко. В подавляющем большинстве случаев скучная, безвкусная и однообразная музыка романсов, исполняемых Козиним, вполне соответствует и текстам. Недаром вель Гете говорил, что «...музыка половинчатая, стремящаяся выразить слабые, жалостные, плачевные чувства, — безвкусна».

Нужно отметить, что Козин пользуется успехом у известной — еще отсталой — части аудитории. Успех этот основывается на доверии — вернее, на доверчивости и неизжитых еще пережитках и предрассудках. Да и пошлость в искусстве, обычно скрытая, приукрашенная, адресуется не к сознанию слушателя, а к его отсталым, мелким чувствам. А ведь слушатель, приходя на концерт, привык и хочет верить, доверять артисту. Слушатель хочет приобщиться к живому, ярко-

му, увлекающему искусству, и вот тут-то «маг-халтурщик» легко оболочивает его туманом этой самой пошленькой «болончьею лирики».

Пошлость в искусстве тем и страшна, что она служит удобным прикрытием художественной, моральной (а следовательно и политической) бесности и отсталости.

Есть и другая, не менее важная причина распространения песенок в «стиле» Козина. У всех нас имеется живая и здоровая потребность в простой чувствительной лирике. Чувствительность вовсе не порок, как полагают иные снобы.

А наши композиторы почему-то страшно боятся чувствительности — простой, здоровой, трогательной. Хороших лирических песен в этом роде у нас очень-очень мало. А это и открывает доступ суррогату, т. е. эстрадным песенкам, в которых любовь низведена до похоти, чувствительность — до слезавого сюсюканья.

Нет сомнения, что Козин не лишен некоторых эстрадных способностей. И если бы он, вместо того, чтобы приспособливаться к неизжитым пока вкусам обывательщины, правильно осознал высокую задачу советского эстрадного исполнителя, воспитывающего в слушателях хороший вкус и любовь к художественной культуре, он, может, и сумел бы заново перестроить весь свой репертуар.

Однако пока-что его «сюсюкающая лирика», глубоко чуждая советской культуре, вольно или невольно толкает его на путь самой низкопробной халтуры.

А с пошлостью, халтурой в искусстве нужно бороться решительно, последовательно и страстно, памятуя гневные и горячие слова Маяковского:

«Рабочий,
крестьянин,
шеабру возьми,
метущую чистоту
и густо,
и, месяц
мечя часов по восьми,
смети
халтуру
с искусства».

Г. ХУБОВ.